

Автографы мастеров-каменщиков VII века: Армения, Иверия, Кавказская Албания (отрывок)

Знания строительной техники и организации строительного производства исключительно важны для понимания эстетических основ архитектуры, а также при проведении сравнительного архитектурного анализа. Техническая и художественная составляющие, тесно переплетенные в методах проектирования зодчих и в приемах мастеров, воздействовали на развитие архитектуры с разных позиций, да и среди историков архитектуры существует неявное разделение в ориентации, с одной стороны, на изучение конструктивных, технических основ зодчества, а с другой, на выявление его художественно-образной или концептуальной содержательности. Памятники архитектуры Древнего мира и Средних веков порой содержат дополнительный материал в виде эпиграфических надписей и всякого рода граффити, способный пролить некоторый свет на оба эти направления развития истории архитектуры. Ведь архитектурное творчество в те времена в основном было анонимным: письменные источники объявляют строителями заказчиков, почти всегда умалчивая о работе конкретных мастеров. Поэтому каждая встреча с лаконичными знаками, схематичными изображениями, оставленными ими на стенах сооружений, представляется особо ценной, а еще интереснее оказывается знакомство с группами, системами подобных значков и надписей. В этом очерке рассматриваются метки, оставленные строителями на церквях VII в. в странах Закавказья (Южного Кавказа), и раскрывается их назначение.

Необычные знаки, начертанные острым инструментом или вытесанные по гладкой поверхности каменных блоков христианских храмов Армении и Грузии, привлекли внимание ученых уже на заре профессионального изучения монументального зодчества этого региона, богатого архитектурными и археологическими памятниками. Проставленные еще в ходе строительства, эти метки, высотой от 2,5 до 40--50 см, представляли собой простые или сложные геометрические построения. Среди них есть явные знаки-символы, встречающиеся с древнейших времен человеческой цивилизации, а также отдельные буквы распространенных в то время алфавитов и сочетания или переплетения таких букв. Метки ставились только на чисто отесанные блоки, и следовательно они присутствуют только на памятниках "классической" традиции, то есть той профессиональной традиции, которая культивировала строительство из камня, чисто отесанного с лицевой стороны. Метки на таких блоках хорошо прочитываются при соответствующем удобном освещении.

К середине прошлого века стало ясным, что в Армении таким способом маркировались камни на зданиях VII в., а также второй половины IX -- начала X вв., то есть в короткий период послеарабского возрождения монументальной христианской архитектуры. Вероятно, в эти же периоды имела место та же практика и в соседних Иверии (Картли, Восточная Грузия) и Албании (Алуанк), связанных с Арменией единой строительной традицией. Правда, в Иверии известных памятников второго периода с такими метками крайне мало (реконструированные к началу X в. части храма Бана/ Банак), а в Албании и вовсе не известно построек этого времени с подобными метками. Знаки второго периода отличаются более глубоким нанесением и однообразием форм. Опытный, натренированный на изучении меток взгляд почти всегда безошибочно определит по их характеру при-надлежность памятника первому или второму из этих периодов.

Особенно интересны знаки, нанесенные на камни построек VII в., каталогизации и анализу которых посвящено настоящее исследование. Сама необходимость такой работы была продиктована выдвижением наукой ряда вопросов, связанных с функциональностью применения этого способа маркирования блоков, с соотносимостью

такой практики с организацией строительного производства, с возможностью датирования памятника по этим меткам.

Уже на заре изучения средневековой армянской и грузинской архитектуры исследователи разрабатывали многие проблемы комплексно, знаки на стенах, порядок и смысл в их применении живо интересовал их. Впервые начал изучать знаки на лицевой поверхности камней армянских построек VII в. Т.Тораманян, оценивший их значение для изучения истории средневекового строительства. Публикации исследователя, его попытка систематизации меток стали основой дальнейшего сбора подобной информации на армянских и грузинских памятниках. В дальнейшем появились мнения о предназначении меток, о возможности оперировать ими в качестве датирующего признака, но оценки не всегда подкреплялись серьезной аргументацией.

Тем не менее, отсутствие полномасштабного свода знаков сказывалось на ограниченности проводимых исследований. Планомерное изучение архитектуры VII в. всего региона, проводимое автором на протяжении более 20 лет, с натурным обследованием всех сохранившихся памятников эпохи, памятников эпохи, привело к сбору коллекции срисованных со стен знаков.

Основным методом этого сбора послужило именно перерисовывание, хотя поначалу делались и эстампажи, которые через некоторое время показались мне неэффективными. Ведь один и тот же знак, принадлежащий одному мастеру, встречается на разных камнях памятника часто в разном масштабе, а иногда и в разных пропорциях. Совершенно отчетливо в на-чертании знака ощущается свободное движение острого инструмента, его отклонения в стороны, легкие удлинения элементов по сравнению с предусмотренным размером. Поэтому версию об исполнении меток с помощью каких-то трафаретов или шаблонов следует сразу отклонить.

Таким образом был собран уникальный свод знаков, служащий базой для развития исследований архитектуры и истории строительного производства отмеченных стран. Публикация этого свода, включенного в диссертацию и впервые показанного на докладе в Мичиганском университете, приведена в виде таблицы. Автор допускает пробелы в своде, вплоть до отсутствия некоторых памятников эпохи, но надеется на продолжение работы им и его коллегами. Основная сложность состоит в труднодоступности некоторых построек, в скрытости значительной части руинированных зданий под завалами и культурным слоем. Кроме того, легко нанесенные метки видны не при всяком освещении, а точное их прочитывание иногда затрудняется из-за повреждений поверхности камней. На многих памятниках выявлены знаки, ранее не указываемые другими исследователями, тогда как в отдельных случаях при посещении мной построек не было найдено почти ни одного знака из ранее замеченных. Поэтому в публикуемой таблице часть знаков приводится по другим изданиям.

Методологически сложнейшую задачу ставил перед собой Торос Тораманян, скрупулезно отмечавший не только существование совокупности знаков на каждом памятнике, но и конкретные места присутствия каждой метки, сложность вытесывания блока, помеченного тем или иным автографом. Тем самым он пытался проследить рост квалификации мастера от постройки к постройке. Если это было возможным на примере изучения трех-четырёх зданий, то подобный подход, которым я руководствовался в первые годы сбора знаков, в масштабе всех известных памятников оказался не по силам. Он явно требовал подключения коллектива работников. С распространением компьютерных технологий эта задача может быть решена на новом уровне, полномасштабно. Поэтому публикация результатов фрагментарных разысканий столь

сложного характера осталась вне настоящей брошюры, которая посвящена более общим вопросам.

В армянской и грузинской технике IV--VII вв., именуемой в Армении "мидис" и восходящей корнями к местной дохристианской традиции, отражены также принципы позднеантичной кладки "энплектон". Классический вариант армяно-грузинской кладки содержал чисто отесанные с лицевой стороны блоки, края которых (как правило, только горизонтальные) обрабатывались узкими фасками, сточенными под 45 градусов. Сердцевина стены заполнялась раствором по каменному лому. Полная идентичность строительной техники, архитектурных деталей, мотивов и стиля исполнения орнаментов, а также типов меток мастеров-каменотесов на относительно одновременно возводимых храмах Армении, Иверии, а отчасти и Албании, свидетельствует о создании этих памятников одними и теми же мастерами, беспрепятственно передвигавшимися по региону.

Эти три страны были связаны между собой экономически, политически, культурно, конфессионально, были связаны реалиями единства церковных организаций еще в начале VII века и единства Церквей Армении и Албании во все времена. Тезис о существовании единой для этих стран архитектурной традиции в VII в., долгие десятилетия оспариваемый многими советскими и постсоветскими учеными, наконец обрел полноправное обоснование. Присутствие одинаковых знаков в виде меток мастеров на армянских, грузинских и албанских церквях, свидетельствующее о работе одних и тех же мастеров, служит одним из аргументов, подтверждающих единство традиции, объясняющих общность типологии храмов и единую линию стилистического развития в эпоху раннего Средневековья.

Храм Св.Рипсима в Вагаршапате (618), построенный католикосом Комитасом Ахцеци -- первая точно датированная постройка, на лицевых поверхностях камней которой присутствуют в виде букв или геометрических знаков метки, оставленные, несомненно, мастерами-каменщиками. Эта практика, сохранявшаяся вплоть до первой половины VIII в., а в послеарабское время имевшая короткое возрождение, лишь периодически появлялась в разных уголках древнего и средневекового мира. В своих воззрениях о предназначении меток на камнях Звартноца и других армянских храмов Т.Тораманян следует оформившемуся еще в XIX в. мнению об использовании меток для определения объемов произведенных каждым мастером работ и соответствующей им оплаты труда. Еще Вогуэ считал буквенные знаки на камнях сирийских построек автографами мастеров. М.Дьёлафуа скопировал знаки с камней двух иранских памятников: Мадер--Сулеймана и ахеменидского Бисутуна -- и считал их метками мастеров, поставленными с целью учета их работы. Т.Тораманян ссылается также на мнение О.Шуази, который, отмечая присутствие знаков на греческих и византийских постройках, считал их функцию аналогичной уже обозначенной, а происхождение -- эллинистическим. Знаки на камнях встречаются в Иране, эта практика распространилась по Средиземноморью, но никогда не применялась на Западе. Она соответствовала склонностям и привычкам эллинистических народностей. Ученый предполагает, что греческий мастер оплачивался сдельно, в противоположность подневной оплате труда "галло-римского" рабочего.

В ближайшем окружении Закавказья метки мастеров известны на памятниках Ахеменидского Ирана -- в Пасаргадах и Персеполе. В ранне-средневековое время метками маркировались, в частности, известняковые блоки трехпролетных врат дворца в Мшатте в Иордании (сасанидская постройка VII -- начала VIII в. или арабская первой половины VIII в.), а в более позднее время на Ближнем Востоке метод маркировки камней применяли мастера крестоносцев в Палестине. О существовании той же практики

у мастеров античной Греции свидетельствуют метки на основании сокровищницы сикионцев (VI в. до н.э.) в святилище Аполлона в Дельфах. Судя по меткам на крупных блоках платформы в Пасаргадах, линии иранских строительных знаков наносились методом довольно грубого вытесывания широких канавок, подобно приведенным М.Дьёлафу примерам. Но само присутствие таких меток на памятниках разных стран и в разные эпохи свидетельствует о взаимосвязи строительных традиций, о существовании в исторической памяти восточных мастеров некой определенной практики, суть которой к началу нашей эпохи оказалась забытой и даже загадочной. Любопытно, что в отмеченных областях Востока, как и в Закавказье, частично применялись одинаковые или близкие по типу знаки геометрического характера, подобные масонским знакам в культуре Западной Европы. Значит, они издавна имели распространение в среде каменщиков, строителей и, как и многие другие элементы европейской строительной культуры, имеют восточное происхождение. Не исключено, что, возродившись в XII в. в зодчестве крестоносцев, эта практика или просто сами знаки, содержащие определенную символику, могли перебраться на Запад, где ими маркировались камни некоторых позднероманских и готических храмов Франции, Германии, Польши и других стран. До конца XIII в. каменотесы построек Германии оставляли на стенах знаки, очень похожие на те, которые известны по армянским памятникам. В середине XII в. и при строительстве белокаменных русских храмов, в частности церкви в Кидекше, появляются, по выражению Н.Н.Воронина, "любопытные граффити, напоминающие по форме стрелы". "Видимо, это условные значки мастеров-строителей, игравшие какую-то роль в процессе кладки стен", -- заключает исследователь. Но все же нигде практика маркировки знаками чистоотесанных камней не имела такого широкого распространения, как в Армении VII в.

На мой взгляд, метки на армянских и грузинских постройках являются автографами мастеров-каменщиков. В таком случае они, несомненно, способны оказать значительную помощь в разгадке вопросов, связанных с организацией строительного процесса, численностью мастеров в артели, передвижениями артелей и, наконец, с датировкой памятников. Мнение Т.Тораманяна о предназначении меток для фиксации объемов работы при сдельной форме оплаты труда поддержано А.Л.Якобсоном, подтверждающим наличие вольнонаемных каменщиков-строителей письменным свидетельством, относящимся к соседней Каппадокии конца IV в. (письмо епископа Григория Нисского епископу Иконии, написанное около 380 г.). О существовании в средневековой Армении наряду с другими видами и сдельной формы оплаты труда строителей пишет О.Х.Халпахчян, основываясь, в частности, на сведениях из судебника XIII в. Мхитара Гоша, но не касаясь вопросов о метках мастеров.

Исследуя порядок организации строительства, С.Х.Мнацаканян пришел к выводу, что "в средневековой Армении со стороны церковных властей осуществлялся надзор за строительством культовых сооружений; строительство велось с помощью горцакатаров (приказчиков); общее руководство принадлежало зодчему, который изготовлял модель будущего храма... Работы велись мастерами, которые делились на группы (каменотесов, каменщиков-кладчиков и др.). На строительстве работали и странствующие мастера, которые не входили в основную группу. Не входили в нее и мастера, служившие у ктитора. Они и ставили метки на изготавливаемых ими камнях и в соответствии с объемом выполненной работы получали сдельную заработную плату".

Не все из этих заключений ученого можно считать обоснованными. Сомнительно также отрицание им использования знаков мастеров в качестве датирующего признака. Нахождение одинаковых меток на постройках Армении и Грузии, связанных единой традицией, является подтверждением миграции мастеров, а не принадлежности меток

разным каменотесам, как утверждает исследователь. При приоритетном учете меток на точно датированных памятниках рушится и система, по которой один знак применялся на протяжении всего VII в. В. Григорян, допускающий возможность датирования по знакам лишь в пределах столетия, отрицает функционирование меток для определения объема работы мастера и оплаты его труда и вслед за З.И. Ямпольским ограничивается чисто символическим истолкованием оставшихся мастерами знаков.

Не стоит сомневаться в том, что большинство встречаемых на стенах храмов VII в. знаков имели сопровождающие их с незапамятных времен символические значения. Аналогично и знаки на кирпичах древнерусских построек, по мнению Л.А. Беляева, "при всей простоте... несут смысловое послание, это род узконаправленной коммуникационной системы, а потому они принадлежат не столько области строительной техники и организации производства, сколько сферам, связь которых с символикой (в том числе и вотивной) очевидна (нумизматика, геральдика, эпиграфика и им подобные)". Среди знаков мастеров на армянских и грузинских храмах VII в. можно во множестве встретить и разные кресты, известные и по языческим образцам, но обретшие новый смысл в христианскую эпоху, значки, подобные свастике, хризме, пяти- и шестиконечным звездам, а также пересечения двух пар параллельных линий, квадрат с диагоналями и другие геометрические формы. Содержательное раскрытие их смысла выходит за рамки настоящего исследования.

Рассмотрение этих знаков как символов, выбранных отдельными мастерами, а возможно, и семейными группами в качестве компактной ясной идентификации их участия в общем строительном процессе в большей мере способствует изучению вопросов архитектуры и строительной практики. Причем, если самим мастерам и контролерам их деятельности было важно присутствие подписей на камнях одного, строящегося в определенный момент объекта, то нас интересует скорее совокупность разных знаков на одном памятнике и распространение каждого знака среди построек изучаемого периода.

Если бы знаки в виде меток не имели практического назначения, тогда наряду с отмеченными "символами" среди меток не фигурировали бы другие типы знаков: геометрические, как будто бы без определенного смыслового содержания (углы, дуги, их всевозможные комбинации); "коробовидные" фигуры, типологически связанные с одной группой византийских монограмм; буквенные знаки. Последние составляют значительную часть меток. Это преимущественно литеры армянского алфавита, но есть также несколько греческих и грузинских букв. Скорее всего, это начальные буквы имен строителей. К этой группе примыкают и монограммы, составленные переплетением нескольких букв (Сисаван, Пемзашен, Шеник). Их почетное помещение на памятнике, например рядом с бровкой алтарного окна в крестообразной церкви Шеника (по прочтению М.М. Асратяна, это имя зодчего -- Аргам; очень похожая монограмма на церкви Пемзашена прочитана П.М. Мурадяном как Адам и отнесена им к имени каменотеса), свидетельствует об авторитетности лиц, оставлявших подобные монограммы. Если же учесть, что князья и епископы, заказывавшие храмы, часто вписывали свои имена в строительные надписи, эти монограммы можно отнести к руководителям артелей или архитекторам.

Если бы знаки не имели утилитарного назначения, тогда чем можно объяснить их присутствие в разных развернутых позициях? Они явно ставились на камне в произвольном положении, после чего блок устанавливался в конструкцию. Метки встречаются даже на блоках, которые могли быть видны только в ходе первоначального этапа строительства, после чего были скрыты раствором свода или кровли.

Метками маркировались практически все типы блоков, из которых выкладывалось строение: камни цоколя (ярко представлено в Сисаване), плоские и угловые камни стен, цилиндрически и шарообразно вогнутые камни экседра, барабана, цилиндрических сводов, конх, куполов (метки на куполе храма Рипсима великолепно видны с балкона под барабаном). Реже метились орнаментированные бровки, карнизы (яркий пример -- карнизный блок Джрвежского триконха), другие элементы с профилировкой и резьбой. Если бы знаки ставились лишь ввиду их символической роли, а не являлись автографами мастеров, вряд ли бы они присутствовали от цоколя до купола, а также в таких невидимых местах, как надсводные помещения.

С другой стороны, сторонникам чисто символического содержания знаков на стенах армянских и грузинских храмов резонно было бы задать вопрос: а допустимо ли было в VII в., в эпоху развитого христианства, покрывать стены символами, восходящими к дохристианским временам, лишь ради самого их утверждения? И почему на некоторых постройках встречаем преимущественно знаки одного типа, а на других -- иного? Кажется, большое число каменщиков нуждалось в широком наборе идентифицирующих их имя знаков, и мастера обращались к известным им фигурам разной тематики. В. Григорян правомерно указывает на, пожалуй, основную трудность изучения строительной истории по меткам мастеров: на большинстве построек знаки высечены лишь на отдельных камнях, в разной, до сих пор не понятной нам последовательности. Это, конечно, не дает повода отрицать возможность постановки знаков с целью получения оплаты труда. Вероятно, существовали какие-то условные договоренности между каменщиками и работодателем, например, меткой мастер мог обозначать лишь крайний правый блок в ряду исполненных им камней. При этом в связи с неизвестностью заранее конкретного места многих блоков, могли оказываться друг рядом с другом камни с одинаковыми метками. Трудно поверить в возможность выполнения одной и той же работы "мастерами, служившими у ктитора", и вольнонаемными каменщиками, которые, по мнению С.Х. Мнацаканяна, оставляли свои метки. Смещение двух принципов оплаты труда при выполнении одной работы, причем бок о бок на постройке, не только не эффективно, но и трудно представимо (хотя бы исходя из опыта современного строительства). Даже если на возведении одной церкви рабочие и оплачивались по разной системе, то разделение между ними могло происходить по характеру работ (каменотесы-кладчики, бетонщики, плотники и др.).

Ко второй половине XX в. совокупность известных науке памятников увеличилась, а укоренившаяся в странах Закавказья, во многом ошибочная, опирающаяся на теорию типологической эволюции, методология датирования средневековых построек привела к перекосу в представлении хронологической последовательности памятников. В этой ситуации метки оказывались на зданиях, порой относимых к V--VI вв., и одинаковые знаки присутствовали на блоках построек, хронологически значительно удаленных (искусственным образом) друг от друга. Поэтому сомнения в возможности датирования построек по знакам мастеров могли казаться обоснованными. Передатировки многих памятников, осуществленные благодаря более доверительному отношению к сведениям письменных источников и стилистическому анализу, привели к более четкому представлению последовательности появления произведений в рамках VII в., а это, в свою очередь, позволяет выстроить таблицу знаков, которая может стать основой как датирования некоторых храмов, так и размышлений о некоторых особенностях развития монументального зодчества.